

Игорь Шувалов: ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ЗАВИСЯТ ОТ ИДЕОЛОГИИ

PROJ. EDINFOS. RU

СТРАТЕГИЯ

Экономика – часть большой концепции развития страны или «независимая» от всего сфера действия абстрактных законов прибыльности? О том, что экономическая модель в России должна базироваться на консервативных ценностях, и о необходимости стратегического подхода к экономическому развитию обозревателю отдела экономики журнала «Однако» Маринэ Восканян рассказал руководитель Северо-Западного отделения Центра социально-консервативной политики (ЦСКП) Игорь Евгеньевич ШУВАЛОВ.

Сегодня нечасто предпринимаются попытки не специализироваться в одной области, а связать воедино экономику, социальные вопросы, развитие

территорий России и идеологические основы развития принимаются нечасто. В то же время ЦСКП занялся разработкой комплексной концепции развития страны. Как возникла идея создать комплексную стратегию?

– В 1995 году мы по заказу Комитета занятости Санкт-Петербурга делали исследование о занятости инженерно-технических работников. Казалось бы, здесь все посвящено вопросам профессиональных качеств и числа вакансий. Но чем глубже мы погружались в эту работу, тем больше видели, как все взаимосвязано, как одно влияет на другое. Если мы хотим повысить востребованность конкретного инженера, мы должны иметь информацию о планах предприятий Петербурга. Мы тогда говорили не только о явной безработице, но и о скрытой, когда инженерные кадры работали не по специальности. Это были люди старше 30 лет, на момент начала 90-х их профессиональная реализация была очень затруднена.

И мы поняли, что если у нас есть информация о трех предприятиях и их вакансиях, а в нашей системе сто инженеров – это одно. А если у нас есть данные обо всех предприятиях и всех соискателях – это другое. Тогда нам надо уже иметь информацию не только о конкретных предприятиях, но и о ситуации во всей отрасли, во всей экономике, о макроэкономической обстановке. Да и если конкретный человек хочет понимать, куда ему идти учиться и работать, он должен иметь возможность это планировать. В итоге была расписана программа о получении обратной связи уже с пятью различными петербургскими комитетами.

Но разве такой подход не противоречит концепции свободного нерегулируемого рынка?

– Тут вы имеете в виду уже искаженную, так сказать, «отрицательную» рыночную модель. Я думаю, что изначально сама рыночная парадигма в другом – цена и спрос должны сами себя регулировать. Наглядный пример – коктейль. В него вносятся какие-то ингредиенты, и в момент взбалтывания все само гармонизируется. Но! Какие ингредиенты там изначально, определяет само государство. Точнее, общество в лице государства, я бы вообще не противопоставлял эти понятия, так как государство – это в первую очередь инструмент реализации общественных интересов.

Если мы ставим себе задачу повысить эффективность одного конкретного предприятия вне связи с другими, то может получиться, что этому предприятию это выгодно, а региону невыгодно, стране невыгодно, так как, например, негативно влияет на экологию, вызывает перетекание рабсилы с других предприятий, забирает ресурсы местного бюджета. Поэтому если нам нужны объективные и ответственные решения, то мы должны использовать максимально комплексный подход с учетом мониторинга большого числа входных условий и параметров.

Эта модель подразумевает не только мониторинг, но и влияние на эти параметры?

– Конечно. И здесь важно делать ставку на положительные для государства тренды. Сейчас тенденция оседлывать негативные тренды. Что это значит? Например, эксперты говорят, что новые рабочие места в ближайшие годы будут массово создаваться только

в Москве. Понятно, что можно такое положение принимать как данность и исходя из него планировать экономическое развитие. Заработать всегда можно и на негативных трендах. И если мы просто смирились с таким положением вещей, это одно. Но мы можем понимать, что с учетом 10–20-летней перспективы это нас приведет к негативным последствиям, к исчезновению массы малых населенных пунктов. Есть наука регионалистика: известно, сколько на один мегаполис должно приходиться средних и малых городов, поселков. В этом созвездии уже совсем другая инфраструктура освоения земель. И мы знаем цену этого вопроса, сколько стоит новый населенный пункт, — насколько мне известно, в ценах 2008 года создать с нуля город на 20 тысяч человек стоит 20 миллиардов рублей. Но можно ведь просто сохранить то, что есть.

К каким последствиям приводит эксплуатация отрицательных трендов? Сначала у нас исчезает одна отрасль, но это вызывает эффект домино. Вот нам сейчас говорят, что у нас нет текстильной промышленности, импорт такой продукции неизбежен, и это принимается как наше новое стартовое условие. Но ведь такая промышленность могла бы у нас быть.

В 90-х были в том числе и объективные причины, по которым было невозможно удерживать всю экономику без сокращений. Но когда возникали эти сокращения, то многие просто «садились» на эти негативные тренды с целью заработать быстрые и легкие деньги.

Понимание таких взаимосвязей и привело вас к идеям комплексной стратегии?

» Консервативный подход — это единство духовного и материального развития, предполагаемая его поступательность, последовательность и непрерывность.

— Да, когда у нас уже были отдельные наработки, связанные с разработкой региональных и отраслевых стратегий развития, то возникла задача структуры приоритетов. Когда у вас большой объем аналитической информации, то необходимо понять, например, что вы ставите во главу угла — развитие промышленности в регионе, сельского хозяйства, туризма, транспорта. Чему придать больший приоритет.

И тут мы задумались об этом отдельно. Стало понятно, что ответ на этот вопрос зависит от идеологии. Нужно что-то принять за основу.

Безусловно, такой набор приоритетов может быть не один, но он должен быть внутренне непротиворечивым. Он может быть либеральным, консервативным, социал-демократическим.

Но ведь каждый из приверженцев этих идеологий считает, что его программа непротиворечива.

— Это можно проверить, проверить любую теорию на полноту и непротиворечивость. Хотя бы на уровне анализа текстов и выступлений представителей того или иного направления можно найти порой явные противоречия.

Вы же сочли базовой именно консерватизм.

— Мы не хотим каждого убедить в своей правоте. Каждый имеет право на свое мнение. Но люди должны иметь возможность определять свои политические предпочтения осознанно. Сегодня перед выборами политики обмениваются компроматом, лозунгами, а на самом деле партии должны соревноваться детальны-

ми программами существования страны.

Вот вы нас выбираете на пять лет, и мы будем действовать в соответствии вот с такими приоритетами.

Партии в идеале должны предлагать образ будущего страны, и не только экономический.

— Разговорами о будущем тоже часто злоупотребляют. У нас есть еще прошлое и настоящее. Многие, говоря про будущее, оперируют терминами развития, что будет рост того и того. Но часто это спекулятивно. Не все должно бесконечно развиваться. Например, у нас есть территории. Их надо сохранять. У нас есть определенный уровень нравственности, как бы там ни было. Задача прекратить его падение и сохранить. Во многом речь идет о сохранении, и это консервативный подход. Мы тоже хотим развития и положительной динамики, но в рамках образа жизни, о котором мы говорим.

Консервативный подход — это единство духовного и материального развития, предполагаемая его поступательность, последовательность и непрерывность. Без ситуаций, когда мы завтра проснулись и все начинаем с нуля.

Сейчас громче слышна позиция другой части общества, которая при всем уважении представляет меньшинство россиян.

— Это меньшинство работает в «формате твиттера». И «Твиттер» действует на площади, создавая эффект массовости. Даже наши партии уже сейчас говорят, что надо научиться работать в таком формате. Да, такие формы существуют. Но это не наш путь. Мы на это должны отвечать конференц-залами с экспертами, детально разработанными программами о связи консервативных приоритетов с экономическими, социальными и другими вопросами. А не лозунгами на 140 знаков, где можно что-то выкрикнуть, но не обосновать позицию по-настоящему.

Согласны ли вы с тем, что россияне скорее консерваторы?

— Да, соцопросы показывают, что большинство людей у

CORBIS/PHOTSA

нас привержено традиционным ценностям, соотносит себя с основными религиями. Но есть важный момент связи между духовной жизнью человека и экономикой. Если хочешь привлечь к себе идейных сторонников, то ты должен быть привлекательным во всем, и в материальном отношении тоже. Мы не можем отбросить экономическую составляющую. Но мы можем предложить такой образ жизни, в котором и духовная, и материальная составляющие увязаны и набор ценностей реализован в определенных формах хозяйствования. Если общество согласно, это должно уже превращаться на следующем уровне в госстратегию.

В любом случае нельзя писать партийную программу исходя из того, что у трех человек такие ценности. Нужен общественный консенсус, дискуссии, донесение информации, выступления в экспертной среде с целью увязать свою идеологию с конкретной сферой. Например, на мероприятие по местному самоуправлению мы приходим и рассказываем, что

если у нас консервативные ценности, то в области самоуправления это значит то-то и то-то. Обратная связь — обязательное условие нашего подхода.

Сейчас таких стратегий не хватает?

— У нас, к сожалению, нет общей стратегии развития страны. Существуют стратегии регионального развития. Но они часто просто по факту описывают ситуацию, а не отражают каких-либо планов на будущее. У нас отсутствует общественно консолидированное понимание приоритетов. В экономике вместо этого — баланс частных интересов, крайне неустойчивая позиция. Но паутина частных интересов совершенно не обязана действовать на пользу России. А стержня общей государственной стратегии нет.

Следует ли из этого необходимость воссоздания системы госпланирования?

— Мы вовсе не хотим ввести страну в режим единого планиро-

вания, как в СССР, где планировали, сколько пар обуви в городе нужно на пятилетку. Каждый год все меняется, бизнес внедряет инновации. Но тем не менее у государства должно быть свое видение приоритетов, в чем должны быть его функции для сохранения территорий и населения. Мы считаем, что мы являемся членами одного общества и вместе должны развивать вверенную нам территорию, заботиться друг о друге, о качестве этого общества, а значит, об образовании и здравоохранении. Поэтому ни образование, ни здравоохранение нельзя переводить полностью на коммерческие рельсы, это убивает отношение человека к человеку, солидарность общества.

Консерватизм не отрицает отдельных либеральных подходов в экономике. Где-то может быть рыночная ниша, где-то прямое госуправление, где-то надо создавать поле для конкуренции. Но приоритеты другие. Когда конкуренция везде и во всем — это в итоге атомизация. Наш приоритет — понимание, что твое

существование возможно только вместе с остальными.

Вы сторонник самоустойчивой экономики, не так сильно зависящей от внешней среды?

— Мировая экономика — это наша внешняя граница, мы ее учитываем. Но нам важнее свои суверенные внутренние интересы и политика. Иначе это отрицательно скажется на интересах России. Вот, например, наши металлургические комбинаты продают металл в США, потому что наши потребители не могут столько заплатить. Да, это все по законам рынка. Но российский предприятия — потребители этого металла, которые могли бы производить металлопродукцию, закрываются, потому что не могут его купить. А завтра США откажутся покупать этот металл, и тогда сам этот комбинат останется без клиентов и тоже закроется. Вместо этого можно было бы вырастить систему своих внутренних потребителей и быть независимыми от мировой конъюнктуры.

Мы сегодня зависим от продажи нефти и газа, и от такой ситуации — с ценами в нашу пользу — и не надо отказываться. Но представим себе, что цены на нефть упали. Что у нас будет? Мы потеряем огромное количество рабочих мест. Почему бы уже сейчас, заранее не разработать стратегию, что делать в такой ситуации, например, по переобучиванию специалистов. В каком-то смысле мобилизационную систему по перемещению трудовых ресурсов, финансовых потоков, смене приоритетов в налоговой политике. План такой системы лучше иметь заранее.

Уже давно звучат голоса о том, что удачную сырьевую конъюнктуру нужно было использовать для развития своей экономической инфраструктуры, промышленности. И диверсифицировать нашу экономику.

— Экономика, безусловно, должна быть диверсифицированной. Но вопрос, какие отрасли нужно развивать. В 90-е мы много слышали о том, что промышленное предприятие — это такой же бизнес, как ларек. Например, в конце 90-х станки стало выгод-

нее продать за границу по цене лома. Ждать продажи в России было невыгодно, те, кому были нужны станки, не имели возможности расплатиться. За счет скачка доллара тогда получалось, что и доходы получены, и налоги заплачены, и прибыль есть. Но что дальше?

Другой пример: мы считаем Петербург городом машиностроения. Но если судить по притоку налогов в городской бюджет, Петербург — город пива, табака и соков. Эти отрасли вносят 63% в бюджет, а машиностроение 10%, в том числе радиоэлектроника вообще доли процента. И как власть будет заинтересована в развитии тех отраслевых приоритетов, о которых говорил Дмитрий Медведев, когда в бюджете от них доли процента? По этой логике Петербург должен стимулировать именно предприятия по производству пива, у которых есть к тому же зарубежные хозяева. А не машиностроение.

Это типичная ситуация, когда вместо стратегического взгляда действует психология жизни одним днем: получить прибыль сегодня, и все.

— Опустив все на уровень прибыли, мы будем постоянно упираться в то, что у каждого свой интерес — у завода свой, у цеха на этом заводе свой, у каждого человека свой. С точки зрения прибыли выгоднее купить предприятие конкурента и закрыть его. Или сдавать свои помещения в аренду и ничего не производить.

У нас сначала танковый завод акционизируется, чтобы выжить, а потом банкротится, потому что для АО банкротство — нормальный процесс. Танки будем покупать в Германии. И возникает вопрос: а как это соотносить с нашей оборонной доктриной? Или вот мы покупаем у Китая теперь по той же причине вольфрам и молибден. И когда мы говорим: давайте возродим свое такое предприятие — нам говорят, что это невыгодно. А если Китай повысит цены, мы ничего не сможем сделать.

Да, дорого возродить такой горнодобывающий комбинат. А если рассмотреть динамику цен на импортные поставки или даже

их прекращение? Если оценить всю производственную цепочку предприятий, сколько дополнительных рабочих мест создастся — около 10 тысяч. И кстати, в этой цепочке будет и ГОК около Нальчика, там нужно эти рабочие места создавать, чтобы люди спустились с гор и перешли к мирной жизни. Они сами нам говорят: возродите этот завод, и мы сдадим оружие и будем работать. Это мы как-то учитываем в понятии рентабельности? Вот этих людей с автоматами? Их в числитель или в знаменатель?

Кто должен разработать такую стратегию? Как должны в этом участвовать экспертные сообщества и вообще все граждане?

— Во-первых, в Думе нужно принять закон о региональном стратегировании. Сегодня все спрашивают с губернатора за бюджет. Никто не спрашивает за развитие территорий. Губернаторов стимулируют работать с бизнесом. Но с каким? С мелиораторами или с водочным заводом? Все стимулы ведь будут скорее в пользу последнего.

Необходимы законы, которые будут повышать ответственность совершаемых сегодня действий с точки зрения перспективы. Например, это может быть закон о минимально необходимой полноте информации для принятия решений. Если губернатор принимает решение о строительстве предприятия, а потом говорит: «Я этого не знал и не понимал», — надо расписать, что он должен знать. Иначе получается, что у нас сначала строится предприятие, а потом выясняется, что теперь к нему нужна новая ветка железной дороги. И вот губернатор едет в министерство и говорит, что у нас будут проблемы, давайте срочно строить эту дорогу. Но почему заранее никто это не просчитывает? Мы считаем, что губернатор обязан знать инфраструктуру своей области, трудовые ресурсы и т.п., чтобы таких сюрпризов не было.

Эксперты, разные аналитические структуры должны предлагать свои варианты программ с описанием средств по их реализации.

Что может предложить общество? Общество должно пред-

GETTY IMAGES/ФОТОВАНК

ложить свое видение того, в какой стране оно хотело бы жить. Об этом надо говорить на разных площадках. И на выборах граждане должны выбирать между вариантами будущего.

Как вы понимаете консерватизм? И как российский консерватизм соотносится с консерватизмом в Англии, Франции и других странах?

— Естественно, в каждой стране консерватизм свой. Российский консерватизм, на мой взгляд, сочетается и с европейской динамикой консерватизма.

В первую очередь консерватизм говорит об отношении к свободе личности и к собственности. Консерватизм — это баланс. Соединив это с русской традицией, мы получаем набор приоритетов. В частности, это региональное устойчивое развитие. Нам важно, что в этой концепции нет доминанты постоянного экономического роста. Он был хорош в

послевоенное время и несколько дальше. Тогда линейно был увязан рост производства, рост производительности труда и благосостояния людей. Но рост производительности труда замедлился, доходы тоже уже так не растут, ресурсы стали исчерпываться, плюс экологические проблемы. Но каждое поколение должно оставить потомкам не меньше, чем получило само.

В этой связи важны мировые разработки в отношении концепции устойчивого развития. Мы предлагаем свою концепцию устойчивого развития с учетом этих разработок. Устойчивость для наших регионов и страны в целом — это максимальная независимость от внешней конъюнктуры.

Мы за взаимодействие отраслевых программ между собой. Здесь важно говорить о увязке долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных программ, а также программ федерального,

регионального и местного уровня. Но это уже отдельная тема.

И этим должны заниматься отдельные структуры?

— Я сторонник создания сети аналитических центров, которые в каждом регионе будут обладать полнотой информации о ресурсах своего региона плюс обо всех федеральных программах, которые зачастую проходят мимо. Это могло бы привести к устойчивости через предсказуемость, к согласованности между муниципальным, региональным и федеральным уровнями.

Например, приходит к губернатору инвестор и говорит: мы хотим в вашем регионе сажать кукурузу. Губернатор отвечает: у нас приоритет — картофель, и на землю под картофель мы даем налоговые преференции. И бизнес должен быть к этому готов. Бизнес вполне может прийти в любую готовую нишу и конкурировать в ней, а не диктовать регионам условия.

Только что президент Владимир Путин создал и возглавил Экономический совет при Президенте РФ, основной целью которого заявлена координация действий для достижения устойчивого социально-экономического развития РФ. До какой степени созданный совет, по вашему мнению, сможет продвинуть решение тех проблем, которые мы с вами обсуждаем?

— Несомненно, это важный шаг. Мы очень рады видеть в решениях, принимаемых на самом верхнем уровне власти, уже сам термин «устойчивое развитие». Вы видите из всего нашего разговора, что именно вокруг этого стрелится строилась наша многолетняя работа. Однако очень важно, чтобы не произошло его выхолащивание. Устойчивое развитие невозможно без обеспечения полнотой информации всех уровней принятия решений, без постоянного участия широкого экспертного сообщества в подготовке программ различного уровня. Инструментом обеспечения такой работы должна стать государственная система региональных аналитических центров, и мы готовы предложить такой проект.